

Звонарев Анатолий Иванович

Анатолий Иванович Звонарев родился в 1931 году в селе Свечники Киевского района Ростовской области. Трудовую деятельность начал в 1948 году кузнецом на паровозоремонтном заводе.

С 1953 года, после окончания курсов машинистов-трубоукладчиков, А. И. Звонарев работает в тресте «Омскнефтепроводстрой». В 1958 году был назначен начальником межколонны. Принимал непосредственное участие в строительстве газопроводов Уренгой — Петровск, Уренгой — Ново-Псков, Уренгой — Центр-2; продуктопроводов Западная Сибирь — Урало-Поволжье, Повхово — Покачево; газопровода Оха — Комсомольск-на-Амуре. Где бы ни работал бывалый строитель нефтяных магистралей, всегда и везде показывает образцы самоотверженного труда, честного отношения к порученному делу.

В 1966 году за выдающиеся заслуги в строительстве нефти и газопроводов, досрочное выполнение семилетнего плана А. И. Звонареву присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, медалями, Отличник Миннефтегазстроя СССР.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Капли ползут по прекрасному лицу «Женщины в чепце», которую изобразил неизвестный художник в 1860 году, затем они текут мимо земли Франца-Иосифа вниз по родной Западно-Сибирской равнине, пересекают государственную границу, Западную Монголию и где-то в районе китайского города Урумчи срываются на пол. Свою койку от стены вагончика, к которой голубой изолентой прикреплены вырванная из «Огонька» репродукция и физическая карта Советско-

го Союза, я предусмотрительно отодвинул, и одеяло осталось сухим. Но от этого не легче: в Де-Кастри опять дождь, и зарядил он, судя по всему, опять до утра... А я полчаса назад пришел с планерки, на которой ее участники так много задумали было на завтра. И вот снова этот отвратительный шум водяных несильных струек по железной крыше. Многое из того, что запланировано на следующий день, не будет сделано. Потому что чуть ли не каждый, словно заклинание, повторял: «Если не будет дождя...»

По иронии та часть Сибири, где сейчас загорающие нежатся на пляжах (в том числе и Омск), на карте вымокла, а та, где работают люди Звонарева, т. е. материковое побережье Татарского пролива, вот уже около двух месяцев поливаемое муссонными дождями, где за нынешнее лето погожие дни можно было пересчитать на пальцах одной руки,— эта часть карты осталась абсолютно сухой.

Опять дождь. Значит опять будут неотсыпанные пока притрассовые дороги столь же ужасны, что и вчера. Опять не прилетит из Комсомольска вертолет с долгожданнами, не пробованными за все лето свежими овощами. Опять будет «по уши» вязнуть техника на стройплощадках. Опять будет мрачен, резок и зол с самого утра Звонарев. Он встанет, как всегда, раньше всех, съест что-нибудь на скорую руку (нынче впервые за много лет жена Валентина Григорьевна не с ним, а в Омске — подводит здоровье, сказывается, ох, сказывается столь долгая кочевая жизнь). А потом будет тяжело и властно ходить по мокрому городку между вагончиками, будя тех, кто нужен в первую очередь. Шляпа на голове, сапоги с чуть отвернутыми голенищами, чисто выбритое неулыбающееся лицо, вечная сигарета в зубах. И короткие, резкие, немногословные указания чуть ли не каждому рабочему — всегда абсолютно конкретные и четкие.

Он остался один в этот трудный пусковой, конечный период: прораб вынужден был взять отпуск по семейным обстоятельствам и срочно уехать на «материк». Приходится заниматься всем сразу.

В городке, на его «центральной площади», сыро и неуютно, ноги разъезжаются, лающе каркают рассеявшиеся по окрестным деревьям вороны. Постепенно вагончики просыпаются. Люди тянутся в столовую —

завтракать, в магазин — прикупить курева и чего-нибудь из продуктов для обеденного «тормозка». Постепенно в этом, казалось бы, стихийном человеческом движении появляется какая-то система: собираются кучками — по бригадам, грузят необходимое на день из материалов и инструмента, садятся в машины и разъезжаются по трассе. В кабину последнего вездехода, которому предстоит двухчасовой путь по расхристанной, вытряхивающей всю душу дороге, взбирается Звонарев. Впереди — долгий и тяжелый рабочий день, очередной день вверенного ему декастринского участка газопровода Оха — Комсомольск-на-Амуре.

Здесь места красивы. У залива Чихачева, к бухтам которого кокетливо спускаются улицы Де-Кастри, такой вид, что его цветные фотографии можно вставлять в рамки и продавать в киосках «Союзпечати». Уютная бухта, стоящие на ее рейде японские лесовозы, пришедшие за продукцией местного леспромхоза; отделанные силикатным кирпичом двухэтажные жилые дома; отроги Сихотэ-Алиня, поросшие тайгой; белые маяки на утесах; загадочная дымка в той стороне, где как бы угадывается Сахалин... Красиво, что и говорить.

Только не случайно мне рассказали байку про одного омскнефтепроводстроевца (не о Звонареве, о другом, фамилия в данном случае не важна), который, глядя утром с крыльца своего вагончика на великолепный залив, вдруг плюнул в сердцах в его сторону, произнеся при этом, естественно, несколько соответствующих слов. Настолько нелегки здесь условия жизни и работы — почти постоянная стопроцентная влажность, уже упоминавшееся бездорожье, отдаленность от дома, зимние метели, необходимость получать из Омска каждый кирпич.

Обстановка в «хозяйстве» Анатолия Ивановича Звонарева, когда в начале августа 87-го я туда приехал, была, прямо скажем, напряженной. Плюнуть в сторону местных пейзажей хотелось, видимо, многим. Люди устали и были раздражены — погодой, долгим отсутствием вертолета, влажными простынями и слипшейся от сырости солью в солонках.

Но в конце концов все это сошло бы за привычные в общем-то неудобства. Главное же состояло в том,

что вот-вот должен был наступить конец большой работы — работы, которую ждала вся страна (ведь самый же восточный газопровод СССР!), ждал Хабаровский край, а больше всех — Комсомольск-на-Амуре, в котором после прихода сахалинского газа станет дешевле эксплуатация всех ТЭЦ и многих крупных промышленных предприятий, будет чище воздух, начнется перевод бытовых плит с баллонного обслуживания на магистральный. А конец этот все не наступал, тормозили «хвосты», недоделки и нехватки. Уже пришла телеграмма из треста «Омскнефтепроводстрой», а точнее — из СУ-2, о необходимости срочно начинать перебазировку домой, на станцию Комбинатскую, что под Омском. Перебазировка и сама-то по себе дело сложнейшее, а ведь еще были недостроены домики линейных ремонтеров, не отсыпаны вертолетные площадки, не закончено захоронение лесопорубочных остатков. Да в конце концов главное — само испытание газопровода и сдача его были тогда, в первой половине августа, еще весьма проблематичными, поскольку специалисты из СУМР-1 никак не могли довести «до ума» камеру пуска и приема очистного устройства на 222-м километре. А у каждого человека с окончанием работ, с перебазировкой связаны, естественно, личные планы. Женщины, например, прямо-таки осаждали в те дни Звонарева в связи с приближением 1 сентября: где этот день встретят дети — дома или по-прежнему в Де-Кастри?

Было от чего болеть голове у начальника самого крупного на омском отрезке трассы участка. Было ему от чего лишний раз нервничать на планерках и вставать раньше всех.

— Нет, ты посмотри,— говорил он мне голосом, который я бы услышал и на другой стороне пролива,— в телеграмме «срочно начинать перебазировку», а в вагоне, который вчера пришел из Омска в Ягодное, гвоздей для нее, для этой перебазировки, нет! Хотя я просил. Как это понимать? Звонарев, доставай опять сам, крутись на месте — так, что ли?

Понять такие вещи, действительно, трудно. Хотя, в общем-то, я был уверен: достанет Анатолий Иванович эти распроклятые гвозди, он что угодно здесь, где за три года строительства его узнал каждый хозяин, будь то директор или кладовщик, доста-

нет. Но достанет-то достанет, однако раздражает его иной раз далекий Омск донельзя: то прищлют два мотора и оба оказываются заклиненными, то придет в «подарок» бракованный сурик, то стекло отправят так, что по здешним путям-дорогам половина его в бой уходит...

Анатолий Иванович в тресте тридцать с лишним лет. Всякого навидался и натерпелся на бесчисленных трассах. Вяз в Салымских болотах, мерз на Тюменском Севере, изнывал от жажды в среднеазиатских песках...

Да и до трасс жизнь ломала и колотила так, что получился у человека характер далеко не ангельский, а наоборот — неуютный и неудобный для некоторых окружающих людей.

Родом из Ростовской области, из шолоховских мест (о писателе потом еще будет сказано). Было детство «под немцами», издевательства оккупантов, невероятный голод, гибель отца на фронте в 42-м. Учиться в школе долго не пришлось — после шестого класса пошел в ремесленное: надо было помогать матери и сестрам. Ростовское дизельно-дорожное училище № 2 дало в руки сыну погибшего солдата первую профессию. Сколько их было тогда, в конце сороковых, таких семнадцатилетних самостоятельных пареньков по нашей огромной стране...

До армии — кузнец на паровозоремонтном заводе. А после службы жизнь навсегда связала с трассой — с нескончаемой, трудной, истинно мужской работой, которая прерывалась лишь дважды — курсами: в 53-м — машинистов-трубоукладчиков, в 57-м — мастеров-механиков. Все эти годы связаны с трубой, с трассами, простылыми вагончиками, ранним подъемом, разбитой дорожной колеей, грязными сапогами, жарким, тяжелым дыханием измученной техники... Жил ли двадцать-то дней подряд в собственной омской квартире, которую получил двадцать лет назад?

Полушутя-полусерьезно о Звонареве говорят: «Его любимый цвет — черный». В этом есть немалая доля истины. За те десять дней, что был в Де-Кастри, я постарался побывать почти на всех планерках. Проводились они вечером, в восемь часов, после ужина, в штабе строительства газопровода. Подводились итоги сделанного за день, намечались планы на завтра. И, пожалуй, ни разу на этих планерках начальник

участка не «выдал» положительной информации — что вот, мол, успешно сделано то-то или то-то, справились, несмотря на трудности, с этим-то. Нет: он считает сделано — так сделано, зачем об этом говорить. Он резко, не выбирая выражений, говорит только о несделанном, т. е. о плохом — о головопятизме, просчетах, браке. Мажет, как сказали бы некоторые еще совсем недавно, черной краской трудовые свершения родного коллектива.

Обстановку Звонарев накаляет на этих планерках до предела. Пьет воду, глотает какие-то крупные таблетки, закуривает сигареты одну за другой, ругается, воротник на рубашке расстегивает, но — давит и давит свое. Самый седой, самый опытный, самый резкий. И самый усталый. А мне так еще казалось (не в обиду будь сказано остальным) — самый болеющий за дело. Свое, собственное, своей собственной жизни дело.

Я приходил после этих планерок в вагончик с плачущей дамой на стене и думал вот о чем. А что стоит за этой любовью к черному цвету? Пессимизм, мрачность натуры или просто плохой характер? Ой ли?! А не заключен ли в этом смелом стремлении видеть в окружающем прежде всего плохое, несделанное, запущенное самый настоящий реализм, а если вдуматься, то и желание переделать это окружающее в лучшую сторону? Да, безусловно, так! Как надоели они нам, эти любители белого и розового цветов, многие годы превращавшие в сладкие сказочки свои доклады, отчеты, речи, статистические сводки и рапорты! Сколько вреда нанесли стране эти борцы с «очернением советской действительности»... Это они своими бесконечными разговорами о собственных свершениях и достижениях довели наше общество до того, что оно вынуждено сейчас мучительно перестраивать все без исключения сферы своей жизни. Хватит! Мы должны точно знать, что плохо в нашей стране, в нашей республике, области, тресте, в любом СМУ и на любом участке. И в этом смысле Герой Социалистического Труда коммунист Звонарев представляется мне весьма даже современным и необходимым перестройке человеком. Более того — одним из тех людей, которые своей «любовью к черному цвету» и ненавистью к вранью, лицемерию и подготовили происходящие сейчас долгожданные преобразования.

Звонарев не особенно, как я уже говорил, подбирает выражения, не ждет, когда собеседник закончит мысль, а элементарно перебивает его, невзирая на чины и ранги. При таких манерах ничего не стоит испортить отношения с кем угодно.

Иногда, решив свои дела, он уходил с планерок первым. Сделал так и вечером 9 августа. После его ухода страсти как бы чуть приутихли, произошла некоторая пауза, но потом разговор вспыхнул о самом Звонареве — уж очень он опять сегодня расшумелся. И совершенно неожиданно для меня его начал защищать от всех сразу человек, который терпел от звонаревского характера, может быть, больше, чем кто-либо, — ведущий планерку Владимир Михайлович Хлыстов, заместитель управляющего трестом, живший тогда на дальневосточной трассе чаще, чем в Омске.

— Что вы мне тычете Звонаревым в лицо?! Да, у него любимый цвет — черный, но у него в работе этого черного поменьше, чем у вас. И его пессимизм здоровее иного дутого оптимизма. Он думает только о работе, он и перебивает нас, меня в том числе, потому что любит о ней думать вслух. У него нет благодушия, которого у иных в избытке. Он — хозяин: всегда все есть, все добыто, выпрошено, выругано. В отличие от иных и многих, которые предпочитают руку ладошкой кверху протянуть. Почему он ополчился сегодня на сумэзровцев? Они сейчас днюют и ночуют на камере, трудовой, так сказать, героизм проявляют. А его не нужно было бы, этого «героизма», проконтролировать они в свое время по-настоящему, как делали ревизию кранов сургутчане.

Так или примерно так говорил Хлыстов о Звонареве. А отношения двух этих людей отнюдь не назовешь дружескими. Но, как видно, объективность чаще всего берет верх, если мы имеем дело с настоящими профессионалами.

За глаза в городке его зовут (чуть иронизируя) «отцом». Делая как бы при этом уточнение, что отец — больно того — строг. Рабочие относятся к нему... Как бы сказать точнее? Давайте обойдемся без слов «любят», «уважают». Люди относятся к нему нормально, по-деловому. А что еще нужно? К чему она, любовь, на производстве?.. Но я не слышал от рабочих ни одного по-настоящему злого слова в его адрес.

И Звонарев тоже говорит о своих рядовых подчиненных чаще всего с сочувствием — сочувствием к их непростому быту, к их не таким уж, как кому-то несведущему может показаться, длинным рублям. И я не раз наблюдал, как он советуется с ними по тому или иному конкретному поводу. Советуется несколько не стесняясь этого, несколько не опасаясь за свой авторитет.

Уж в чем, в чем, а в авторитете своем этот человек уверен стопроцентно.

Как-то в свободную минуту я начал расспрашивать Анатолия Ивановича о его родных ростовских краях, в которых сам никогда пока не бывал. И увидел перед собой совсем другого человека — улыбающегося, мягкого. Он рассказывал о матери, о деде, который прожил в силе, уме и памяти до 109 лет и умер-то во сне, когда прилег отдохнуть перед поливом своего фруктового сада.

Оказалось, Анатолий Иванович и с Шолоховым был знаком! Тот приятельствовал в молодые годы со Звонаревым-отцом, увидел в 1966 году в газете Указ о присвоении какому-то Звонареву Героя и подумал: не сын ли? Уточнил: он! Пригласил к себе — как раз Анатолий Иванович приехал в отпуск к матери, и они три дня провели вместе в Вешенской: ездили на место расстрела Подтелкова, Кривошлыкова и других красногвардейцев, потом отдыхали, рыбачили. Интересно, значит, было автору «Тихого Дона» со своим земляком — сибирским строителем нефтепроводов.

Дома же, в Омске, том Шолохова стоит в книжном шкафу Звонаревых, как оказалось, рядом с ажаевским романом «Далеко от Москвы» — сам видел потом. Случайно, конечно, но жизнь хороша еще и такими вот случайностями, ведь нынешний газопровод тянули вдоль трассы того — из романа — нефтепровода. И тот (не в романе, в жизни!) до сих пор цел и невредим...

...Я ехал в кабине «Татры» по красивейшей, более или менее обихоженой декастринским леспромхозом дороге на Софийск — к Амуру, к «Метеору», который умчит меня в Хабаровск, где предстоит пересечь на самолет.

За перевалом стало солнечно, показалась владычица здешних мест — величественная Шайтан-гора. Она

как бы провожала меня домой, долго-долго не уходя из глаз.

Конечно же, я думал тогда, как рассказать мне об этом непростом человеке. Честно говоря, я боялся тогда этой предстоящей работы. И вдруг неожиданно представил себе Звонарева лет на десять-пятнадцать старше. Будь так, он узнал бы войну не мальчишкой, а мужчиной, солдатом, скорее всего, — командиром. И почему-то сразу же подумалось, что именно у таких командиров, видимо, было меньше потерь после атак.

И все стало гораздо ясней.

А. Лейфер